

пишет Делез, – склоняясь в одну сторону, люди говорят, что кентавр – человек с телом лошади, в другой раз, наоборот, – лошадь с телом человека.

В действительности, когда к человеческому лицу прирастают ослиные уши, это не является формированием дизъюнктивной связи. Создается некоторое новое существо, притом посредством только старой терминологии. Мифическое существо такого типа, таким образом, не пересекается ни с одним из реальных животных. Недопустимо определение такого типа: «Все лошади делятся на: а) лошадей с человеческим торсом...». В этом заключается мифологичность такого рода зоологии. Фуко пишет: «Опасные смешения предотвращены, гербы и басни нашли свое специфическое место»¹¹. Определение нового существа посредством перечисления его составных частей действительно отделяет его от множества существ. Гиппогриф, Мандрагора, Минотавр в таком случае могут быть олицетворением совокупности свойств, не являясь ни одним из их (свойств) изначальных носителей. Появление этих существ почти всегда объясняется любовной связью двух существ разного рода. Невозможность такой связи в природе легко осуществляется в языке, появляется совокупность частей, а не совокупность существ. Они становятся симуляцией невозможного синтеза, но не синтеза на самом деле. Составные существа, не имея ни одного нового качества, не принадлежат ни к одной из существующих ранее классификаций. Во множестве всех животных подмножество составных существ действительно занимает не пересекающуюся с другими подмножествами позицию.

С.В.Франц

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПОЗНАНИИ

Филологи придерживаются мнения, что метафора, сравнение – родом из художественного творчества, художественного отражения и выражения действительности, художественно-образного мышления. Например, академик Д.С.Лихачев в книге «Поэтика» говорит, что, основываясь «на реально наблюдаемом, на живом и непосредственном восприятии мира», метафора пытается это видимое осмыслить невидимым. А поскольку «весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл», то метафора – это попытка расшифровки «тайного, символического значения явлений природы через создание своего особого кода», а через него – выход за границы реальной действительности (абстрагирование от нее) к иному, иной, еще неизвестной реальности. Тем самым метафора оценивается как инструмент познания, который демонстрирует новые возможности образного, ассоциативного мышления, продуцирует новое знание о мире. Метафора – это иной взгляд на вещи, непривычный для восприятия ракурс, обновление смысла и, таким образом, более глубокое постижение реальности (или нереальности). Метафора процессуальна и чаще всего сопровождает поиск истины, она всегда становится знанием, но никогда не есть нечто ставшее.

К метафоре нельзя подходить с мерками истинности/ложности, а само понятие истины применительно к метафоре неуместно, поскольку ее предназначение в другом. Метафора не указывает на Абсолютность чего-то, не подтверждает правильность, она выявляет существующие несоответствия, противоречия и под-

© С.В.Франц, 1998

талкивает к поискам истины. Метафора – импульс, который не ставит себе познавательной задачи. Это ассоциативный, интуитивный языковой порыв, основанный на подсознательном ощущении сходства, родства явлений. Это средство вспомогательное, не самостоятельный мыслительный факт или целеполагающий акт. Метафора стимулирует процесс познания, но никогда не пытается дать окончательный ответа, она, как Мефистофель, – вечный искusstель.

Бытие метафоры в науке – вторично (это очень похоже на второй уровень смыслов), аутентичная ей реальность – художественная, как уже отмечалось. Метафора – это что-то ирреальное, иррациональное, прорыв к реальному бытию через бессознательное, это интуитивно ощущаемая скрытая суть явлений, противящаяся «укоренению» в какой-либо социальной – к тому же! – реальности. Это отлет за пределы бытия, дающий возможность взглянуть на него иначе. Метафора как бы взгляд на землю из Космоса. И поэтому любая попытка «впечатать» метафору в нашу действительность, превратить ее в орудие упорядочения, категоризации и моделирования любой социальности, вычленив из познавательного процесса и превратить в автономное орудие познания или методологию социальной науки вызывает внутреннее сопротивление. Да, социальная реальность репрезентируема метафорически, но не надо делать из этой репрезентации научных терминов. Там, где метафору пытаются сделать знанием, наука заканчивается. Метафора вечно балансирует на грани логос/гносис, не скатываясь ни к тому, ни к другому.

Хотелось бы отметить еще одну особенность метафоры. Метафора – не самостоятельное явление, а «определение», работающее на то понятие, слово («определяемое»), с которым она соплагается. Она существует не ради самой себя, а ради прояснения сути определяемого. Поэтому она не понятийна сама по себе, а «нанизывается» на «смыслы», которые уже заложены в «определяемом» слове (его идеологемы, социемы, мифологемы), даже если после этого симбиоза слово приобретает совершенно полярный смысл. Этим метафора лишь указывает на противоречие, уже имевшееся и до поры скрытое в языковом знаке (слове), но пока не осознанном. Если лишить метафору главного слова, то она распадется: в этом плане можно мысленно поэкспериментировать с такими метафорами, как, например, «(политика) – это игра», «(политика) – это (групповой) организм»... Метафора, как видим, вскрывает скрытые возможности, имеющиеся в самом понятии, показывая потенции, резервы слова (взгляд из Космоса).

Таким образом, с помощью метафоры можно прорваться через поверхностный слой смыслов к потаенной сути явлений, открыв их иные значения, другими словами, перешагнуть из Бытия к Инобытию. Каждая метафора эвристична, подобна открытию и прозрению.

Е.Г.Прилукова

ПОЛИЯЗЫЧНОСТЬ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ОБРАЗОВ

Все, что нас окружает, в той или иной степени влияет на наше восприятие действительности и в конечном счете на наше самоощущение.

Мир, в котором живет человек, в значительной степени сконструирован средствами массовой информации.

© Е.Г.Прилукова, 1998